

Г. П. Щедровицкий

СТРУКТУРА ЗНАКА: СМЫСЛЫ И ЗНАЧЕНИЯ

Введение в проблему

Можно ли построить модель смысла знаковых выражений? И можно ли, используя эту модель в качестве методологического средства, анализировать состав и строение конкретных смыслов, разлагая их на компоненты?

Хотя сама идея такого анализа многими объявлялась вообще неправомерной («Что может быть более сокро-

венным и, вместе с тем, менее доступным объективному научному анализу, нежели смысл, выявляемый нашим сознанием в знаках и вещах,—спрашивали и одновременно утверждали они»), тем не менее философская мысль постоянно стремилась найти пути и средства объективного анализа и описания смыслов, перекинуть мост между смыслами и точными методами научного исследования.

«Логос» Аристотеля, «лекта» стоиков, «интенции» средневековых схоластов, «концепт» Абеляра и «понятие» Гегеля — все это разные попытки проникнуть в тайну смысла, создать его рациональную объективную реконструкцию, с тем чтобы затем иметь возможность исследовать смыслы так же, как мы исследуем вещи. Г. Фреге, по сути дела, не отступил от этой традиции, хотя теперь нам может казаться, что его противопоставление значений и смыслов резко разделило то, что интерпретируется на объекты, и то, что рассматривается как наш субъективный способ освоения этих объектов. Но последнее было лишь названо и не получило явного существования, ибо ни сам Г. Фреге, ни тем более поздние исследователи не сумели выработать методов анализа, адекватных природе смысла: он по-прежнему сводился к объекту особого рода («идеальному» у Д. Гильберта, «абстрактному» у А. Черча), т. е., по сути дела, к тому же денотату, к «значению». Лишь Э. Гуссерль, разработав специальные методы феноменологического анализа, сделал различие смысла и значения подлинным противопоставлением «миров». Но в результате смыслы оказались совершенно отделенными от всего интерпретируемого объектно и исчезла та действительность, в рамках которой можно было бы описать и объяснить *процессы объективации смыслов*, самим Гуссерлем признанные в качестве главнейших в познании. Поэтому, хотя проблема смысла, по общему признанию, является узловой для логики, эпистемологии, теории мышления и методологии, она по-прежнему остается за пределами объективного анализа.

Такой результат ни в коем случае нельзя считать случайным. Но если он, наоборот, закономерен, то нужно искать основные причины и источники столь устойчивых, постоянно повторяющихся злоклучений анализа, нужно найти тот слой мыслительных средств,

которые их вызывают и изменение которых, напротив, могло бы сдвинуть дело с мертвой точки.

На наш взгляд, эта причина и источник заключены прежде всего в бедности того *категориального аппарата*, с которым мы подходим к исследованию знаков. А она, в свою очередь, обусловлена господством в современной науке той *онтологии* и тех *форм виденья мира*, которые принято называть «натурализмом».

Натуралистическая и деятельностная ориентация в анализе знаков

В других словах формулируя выраженную выше мысль, можно сказать, что основной недостаток всех предложенных до сих пор подходов в исследовании знаков (в частности, их смыслов, значений, значимостей и «содержаний») заключается в том, что не учитывается принципиальное отличие их как объектов и предметов изучения от всех других предметов, в исследовании которых естественные науки достигли к настоящему времени известных успехов; в результате все существующие концепции знака и речи-языка как знаковой системы особого рода дают недопустимо переупрощенное представление о них и делают невозможной разработку новых эффективных методов исследования. В частности, во всех теоретических подходах к знаку до сих пор совершенно отсутствовал анализ *конструктивно-нормативной работы*, порожденной специфическими условиями и механизмами *воспроизводства деятельности*, и ее влияния на различные аспекты существования знака (представления о деятельности и механизмах ее воспроизводства развиты довольно подробно в работах [1] [2] [3], а трактовка знаков как элементов и организованностей деятельности в работах [4] [5] [6]).

Этот момент может казаться удивительным, так как в самом языковедении конструктивно-нормативная работа всегда преобладала над другими. Но такова уж сила теоретических предрассудков: гипноз естественно-научного подхода, возобладавшего с начала XIX столетия, с его представлением объекта изучения как *объекта созерцания* и общим невниманием к процессам и меха-

низмам деятельности¹, заставлял и заставляет языковедов закрывать глаза на практику собственной работы, на то бесспорное обстоятельство, что они сами строят язык и стремятся управлять его развитием (см. [8]).

Одним из важных следствий неуместного употребления «натуралистической идеологии» в лингвистике, логике и семиотике явилось смещение «значений» либо со «смыслами» знаковых выражений (и далее — с их психологическими производными), либо с «содержаниями» знаний, зафиксированных в знаковых выражениях, — с означаемыми, денотатами, десигнатами, операциями и т. п. Напротив, анализ разных видов деятельности, внутри которых создается и живет знак, в том числе конструктивных видов деятельности, впервые дает основание для анализа знаков объективными методами и позволяет различить и четко определить их «смыслы» и «значения», противопоставив их содержаниям знаний.

Понимание сообщения и смысл

Чтобы ввести в действительность логики и семиотики деятельность и показать, как объекты такого рода, как «речь-язык» или знаки и знаковые системы, должны

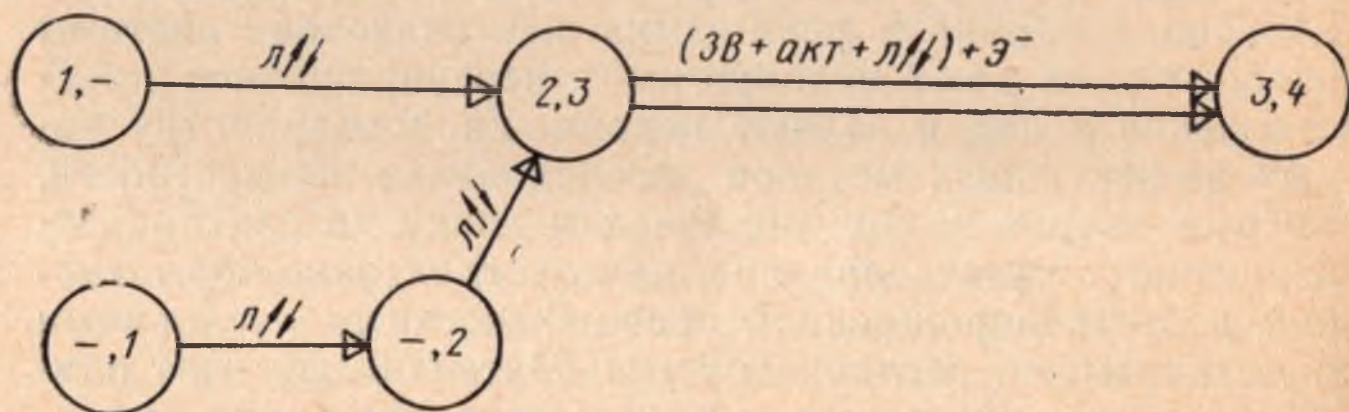

Рис. 1

анализироваться в контексте деятельности, нужно воспользоваться *системной моделью* ситуации общения и деятельности (рис. 1), основанной на *процессе коммуникации* (связь между позициями 1 и 2).

¹ Ср. это с исходными утверждениями К. Маркса в тезисах о Фейербахе: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно...» [7, стр. 1].

Текст сообщения, передаваемого из позиции 1 в позицию 2, является элементом ситуации, связан со многими другими ее элементами и несет по отношению к ним определенные функции; связи и функции, включающие текст сообщения в ситуацию, образуют сеть или систему, центрированную на сообщении (в принципе

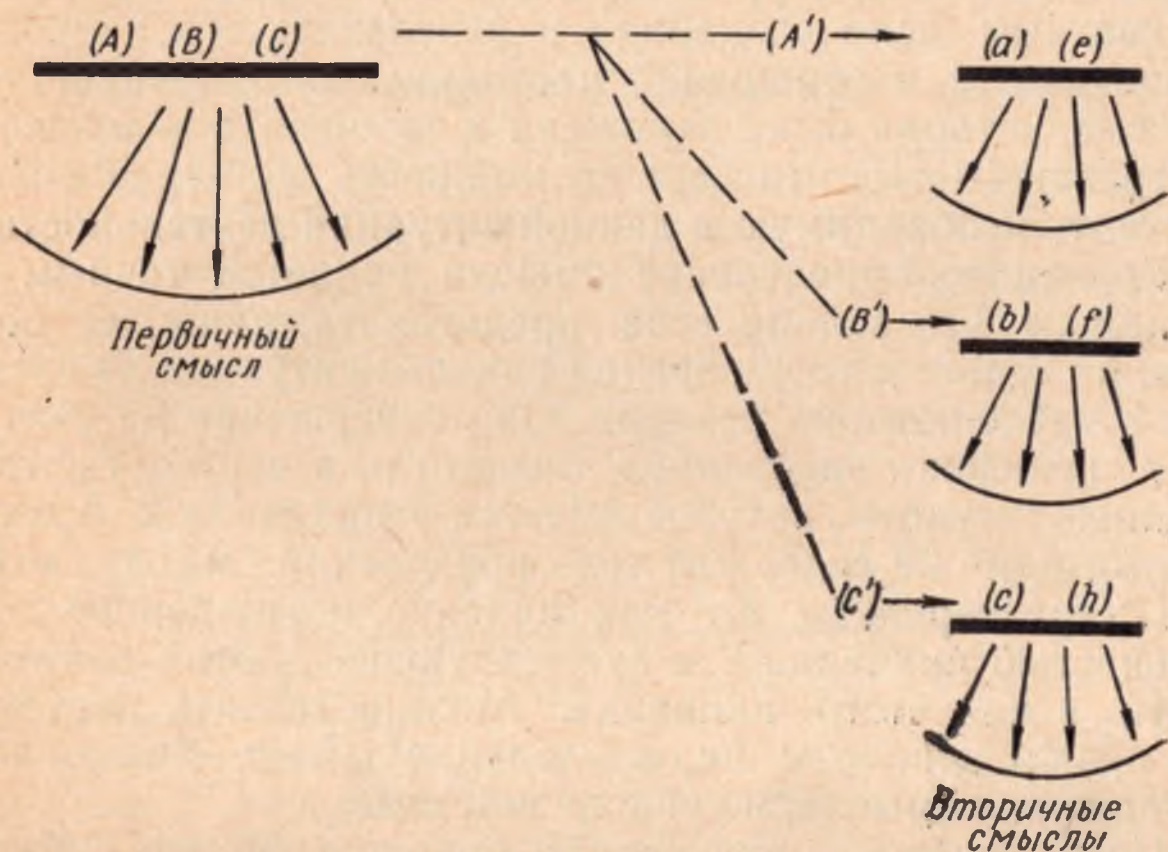

Рис. 2

мы могли бы центрировать ее на любом другом элементе ситуации). Понимание текста сообщения, включающее индивида 2 в ситуацию, заключается в восстановлении или развертывании им связей и функций этой системы — как правило, не всех, а лишь части.

«Смысл», если исходить из этой схемы, может быть задан как то, что возникает в процессе понимания текста (с более узкой точки зрения он может быть охарактеризован как продукт понимания).

Это будет первая, неспецифическая характеристика смысла. В дальнейших характеристиках, претендующих на выражение специфики смысла, появится весьма существенная двойственность — она связана с наличием двух принципиально разных исследовательских позиций, необходимых нам для фиксации и описания духов-

ных явлений, и как таковая должна четко осознаваться (рис. 1)¹.

С позиции *внешнего наблюдателя*, находящегося вне ситуации общения, смысл может быть определен как *га конфигурация связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и общения, которая создается или восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения*. При этом понимание будет считаться адекватным, если созданная в результате его конфигурация связей и отношений настолько соответствует той системе, которая была заложена в сообщение человеком, построившим его, что дает возможность индивиду 2 осуществить необходимую в данной ситуации деятельность².

Указанное определение смысла является точным и, насколько это можно себе представить, наиболее полным, но только с точки зрения виденья ситуации из внешней и «абсолютной» позиции. Оно совершенно не учитывает специфики *внутренних позиций* и, в частности, того виденья ситуации, которое имеется у индивида 2. А в силу этого оно не содержит тех определений смысла, которые характеризуют его как явление, порожденное деятельностью индивида 2 и существующее в этой деятельности и для этого индивида. Можно сказать поэтому, что предложенное выше определение задает *объективное содержание* смысла, но еще не сам смысл.

Чтобы учесть и включить в определение эти субъективные характеристики смысла, представим сам процесс понимания не только как развертывание сети отношений и связей, объединяющих разные элементы ситуации, но и как *своеобразное движение по этой сети (или системе), осуществляющее, образно говоря, фокусировку всех отношений и связей в одну из вершин сети* (рис. 3).

Тогда «смысл» будет определяться как сеть отношений или связей между разными элементами ситуации, восстановленная человеком, понимающим текст сообщения.

Это определение соответствует обычной практике употребления слова «смысл»: поняв текст сообщения, мы

¹ Более подробно обсуждение этих вопросов см. в работах [9] [10]; логические аспекты используемого здесь метода обсуждаются в работах [11] [12].

² Данные, показывающие зависимость процессов понимания текста от деятельности и ее средств, изложены в работе [13].

можем сказать, что уловили смысл, который хотел передать нам говорящий, что текст осмыслен, что мы поняли смысл самой ситуации или отдельных входящих в нее вещей, наконец, что в нашем сознании появился соответствующий смысл. И каждое из этих употреблений оправдано, ибо смысл, повторяем, может быть сфокусирован или центрирован на любом элементе, захваченном сетью отношений или связей, созданных в процессе понимания.

«Языковая инженерия» и конструкции значений

Чтобы теперь ввести «значения», трансформируем исходно заданную ситуацию общения, превратив ее в *ситуацию трансляции* (см. [1—5]), где главной является

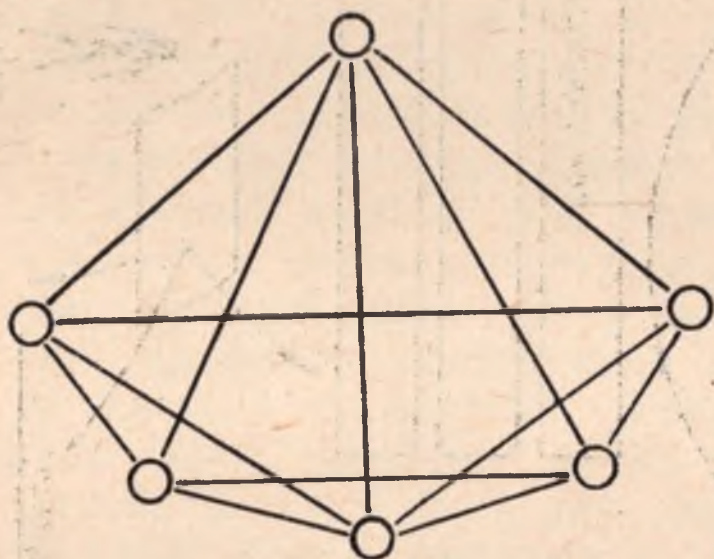

Рис. 3

побочно сложившаяся связь между позициями 1 и 3 (рис. 4).

Предположим, что текст сообщения, направленного из позиции 1 в позицию 2, поступает в позицию 3 и здесь либо вообще не понимается, либо понимается неадекватно. Такое положение заставляет систему, обслуживающую процессы общения, создавать специальные *знаковые конструкции*, которые, будучи «вложенными» в индивид 3 (или «усвоенными» им), выступают в качестве дополнительных средств, обеспечивающих необходимое понимание текста сообщения. Эти *конструкции, создаваемые инженерами-языковедами* (позиция 4), мы и будем называть «значениями».

Конструкции значений, создаваемые языковедами-инженерами, могут быть весьма разнообразными. Их ха-

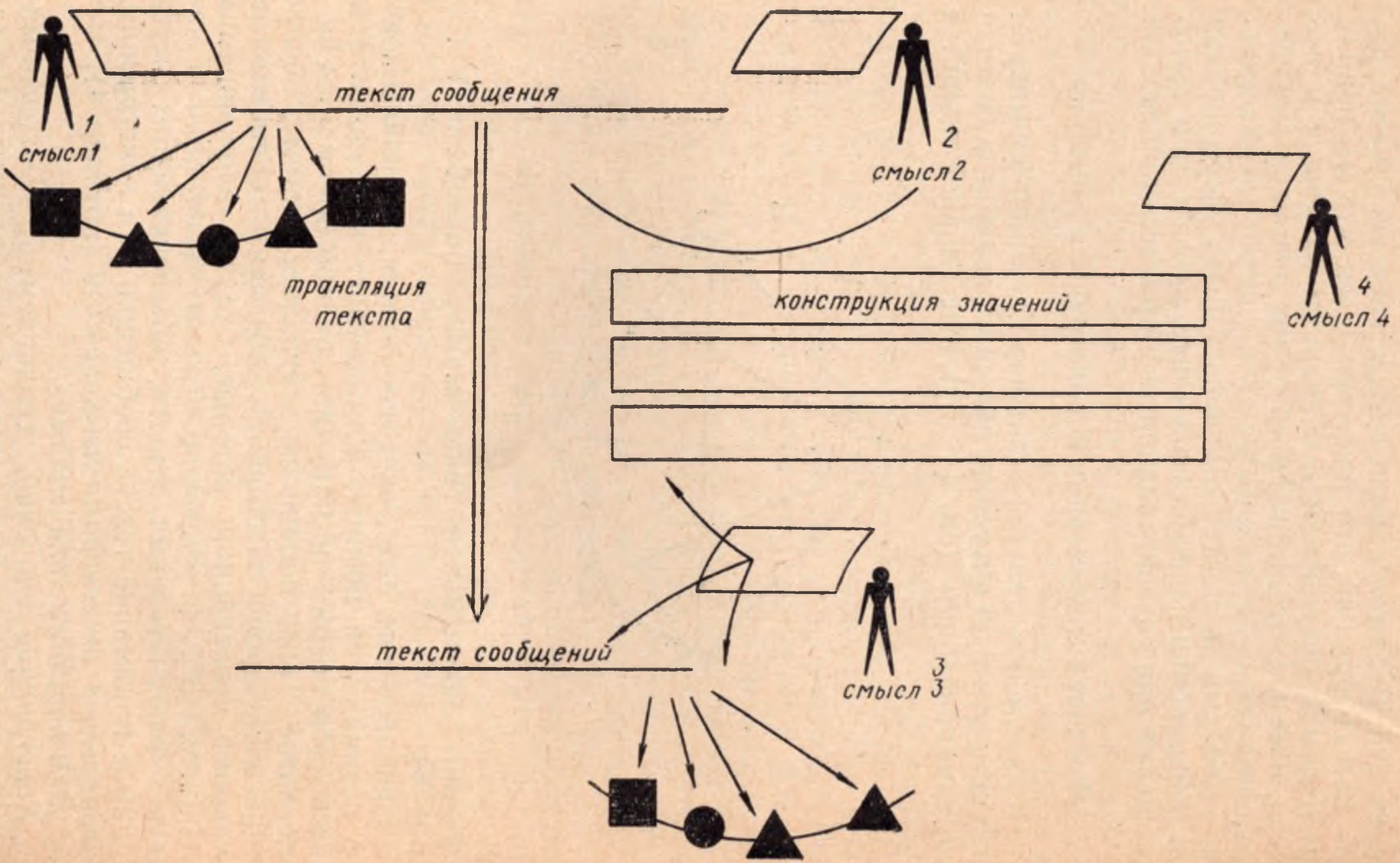

Рис. 4

ракти и способ фиксации зависят прежде всего от того, (1) чем вызвано непонимание текста сообщения, (2) кто выступает в роли коммуниканта 3 (ребенок, еще не освоивший основных средств речевого мышления, студент, не овладевший чужим для него языком, или, скажем, ЭВМ, не имеющая необходимых программ анализа текстов) и, наконец, от того, (3) как организованы остальные элементы ситуации. Кроме того, существенное влияние на характер и форму фиксации значений оказывают методические и теоретические ответы на вопрос «что такое значение», вырабатываемые в аналитических и собственно-исследовательских позициях, обслуживающих конструктивно-нормативную работу лингвиста. Но во всех случаях конструкции значений выделяют, фиксируют и закрепляют те или иные из связей и отношений, входящих в объективную структуру смысла, создаваемого пониманием текста (или текстов сообщения). Иногда они выступают непосредственно в виде связок знаковых выражений с теми или иными элементами ситуации, но чаще эти связки устанавливаются опосредованным путем — за счет связи одних знаковых выражений с другими. Например, конструкции значений «a table — стол» и «кислота — вещество, окрашивающее лакмус в красный цвет», несмотря на все свои логические различия, служат, по сути дела, для одного и того же — установления связи между именами и объектами.

Конструкции значений, подобно всем другим знаковым выражениям, должны пониматься, а это значит, что человек, решивший воспользоваться ими, должен восстанавливать или создавать их смыслы; это будут, в контексте нашего рассуждения, «вторичные понимания» и «вторичные смыслы»; от «первичного понимания» и «первичного смысла» они отличаются прежде всего тем, что связаны с четко фиксированными, можно сказать «искусственными», ситуациями деятельности, и все объекты, включенные в них, выступают, по сути дела, в роли эталонов (см. [14, стр. 98—106]).

То обстоятельство, что конструкции значений подобно исходным текстам сообщений тоже понимаются и осмысливаются, не меняет их природы значений, возникшей благодаря функциональному противопоставлению фиксированных средств понимания исходным текстам, включенным в естественно развертывающиеся, а потому всег-

да достаточно неопределенные ситуации общения и деятельности (рис. 4).

Если теперь обратиться к деятельности лингвиста-инженера (позиция 4), то можно сказать, что в процессе осуществления своей специфической деятельности он должен еще каким-то образом учитывать и совмещать позиции 2 и 3. Это значит, что он должен, во-первых, *п о н и м а т ь* смысл исходного сообщения так, как его понимает индивид 2; во-вторых, *п о н и м а т ь* (или не понимать) смысл этого сообщения так, как его понимает (не понимает) индивид 3; в-третьих, *з н а т ь*, почему или отчего индивид 3 понимает (не понимает) именно таким образом, и, наконец, в-четвертых, исходя из всего этого, он должен *с о з д а т ь* конструкции значений, которые бы позволили индивиду 3 адекватно понять исходное сообщение. Прodelывая всю эту работу, лингвист-инженер сводит понимаемый им смысл исходных знаковых выражений и их элементов к создаваемым им конструкциям значений, выражает множество разных *ситуативных смыслов* через наборы специально выделенных *элементарных значений* и последующую организацию их в структуры. Затем эти конструкции и принцип организации их в структуры используются получившими их индивидами в качестве «строительных лесов» при выделении смысла разных сообщений или даже в качестве основных компонент его; имея наборы определенных значений, эти индивиды сначала, если пользоваться неточным, но очень наглядным образом, как бы *р а з л а г а ю т* по ним смысл сообщений, а затем *с о б и р а ю т* из них этот смысл как композицию, приравливаясь при этом к ситуации как к целому¹.

Чтобы теперь завершить характеристику «языковой инженерии» и влияния ее продуктов на существование и функционирование знаков, нужно сделать еще одно замечание, касающееся схемы нашего рассуждения. Вводя исходную ситуацию коммуникации (рис. 1), мы начали с предположения, что индивид 2 выявлял смысл сообщения как бы совсем без опоры на значения. Это неявное допущение было введено потому, что рассуждение нуж-

¹ Слова «разлагают» и «собирают» характеризуют здесь лишь результат процесса понимания; их ни в коем случае нельзя понимать как характеристику механизмов понимания.

но было начать, не предполагая изначального существования значений; но после того, как значения введены, мы можем отказаться от исходного допущения и распространить полученную нами позицию 3 ретроспективно в историю. Таким путем, естественно, не может быть решена проблема происхождения значений, но сама процедура ретроспективного оборачивания соответствует принципам структурного описания исторических ситуаций: сначала логически вторичное рассматривается как несуществующее в реальности, затем оно вводится, как правило, телеологически в модель объекта, и полученная таким образом более развернутая и более сложная система трактуется как единственно существующая в реальности (*конструктивный вариант метода восхождения от абстрактного к конкретному см.: [15] [16] [17] [18] [4, стр. 30—38]*).

«Первичные смыслы» и «значения» — две разные формы существования знака

Хотя для индивида 3 конструкции значений в процессе понимания выступают, по сути дела, в качестве элементов ситуативного смысла текстов, хотя этому индивиду часто кажется, что он собирает смысл из данных ему значений и потому значения просто дубликаты или копии смысла, тем не менее (и это становится очевидным, как только мы переходим в позицию внешнего исследователя) конструкции значений являются не дубликатами и не копиями смыслов, а прежде всего — *иными функциональными элементами того же целого*, в которое на правах особых частей и элементов входят понимание исходного текста и его продукты, первичные смыслы. Иначе говоря, *значения и смыслы связаны между собой деятельностью понимающего человека и являются разными элементами или компонентами этой деятельности*. Но в силу этого они оказываются также *разными компонентами самого знака* (как определенной *организованности деятельности*). В этом плане конструкции значений являются не чем иным, как *новыми элементами ситуации общения и деятельности*, расширяющими поле и объективную структуру смысла, и как таковые они могут рассматриваться наряду со всеми другими элементами ситуации.

Но, кроме того, у конструкций значений есть совершенно специфическое назначение, и это обстоятельство ставит их как элементы смыслового поля в особое отношение ко всем другим элементам. Это специфическое назначение конструкций значения, как мы выше выяснили, состоит в том, чтобы служить *средствами понимания* исходного текста, и поэтому они создаются как своеобраз-

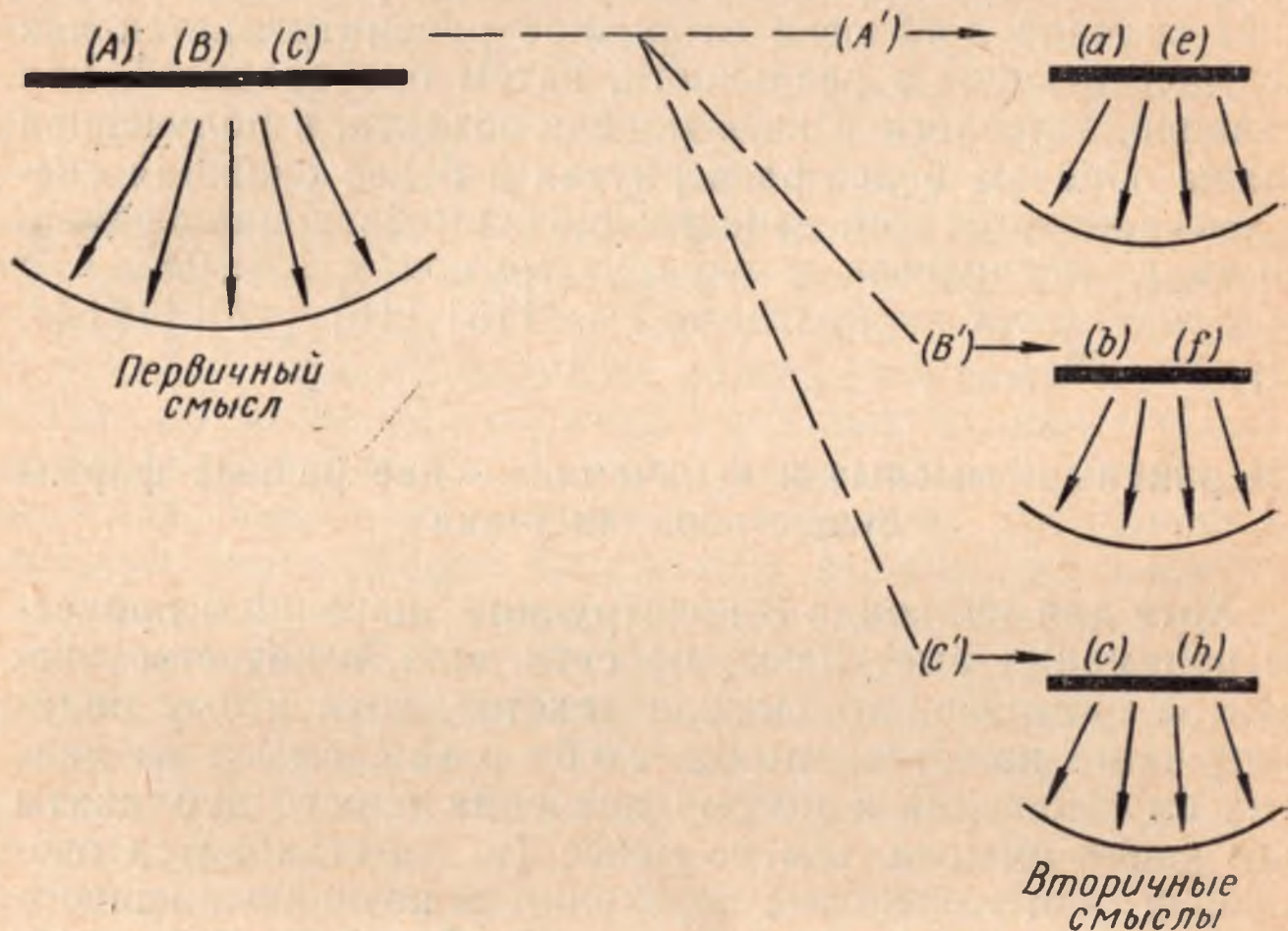

Рис. 5

ные дубликаты и особые формы фиксации отдельных отношений. Но это значит, что конструкции значений и связанные с ними вторичные смыслы создают для элементов первичного смысла *вторую и особую форму существования*; вместе с тем они создают *новую и особую форму существования для самого знака* (рис. 5). Мы получаем возможность сказать, что смыслы и значения — разные компоненты знака, придающие ему вместе с тем разные способы и формы существования, соответственно — *в синтагматике и в парадигматике, в социэталных ситуациях и в культуре, в реализациях и в нормах* (см. [19, стр. 121—127] [4] [3]).

Соединение двух указанных выше характеристик конструкций значений: 1) лежат наряду со смыслами как

другие функциональные компоненты структуры деятельности и знака, 2) выражают и фиксируют отдельные элементы и схемы смыслов, придавая им второе и особое существование,— позволяет рассматривать и трактовать связь между значениями и смыслами как совершенно *особое отношение конструктивного замещения*, или, как мы его называем,— *имитации*. Изучение специфики имитации — специальная задача. Она исключительно важна и актуальна как в общеметодологическом, так и в специально семиотическом плане, ибо, в частности, именно смещения отношений имитации с отношениями моделирования приводят в лингвистике и в семиотике к смещению смысла со значениями и к принципиально неправильной трактовке знака.

Л и т е р а т у р а

1. Г. П. Щедровицкий. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности. Сб. Обучение и развитие. Материалы к симпозиуму. М., 1966.
2. Г. П. Щедровицкий. О системе педагогических исследований (методологический анализ). Сб. Оптимизация процессов обучения в высшей и средней школе. Душанбе, 1970.
3. О. И. Генисаретский. Опыт методологического конструирования общественных систем. Сб. Моделирование социальных процессов. М., 1970.
4. Г. П. Щедровицкий. О методе семиотического исследования знаковых систем. Сб. Семиотика и восточные языки. М., 1967.
5. В. А. Лефевр, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах. Там же.
6. В. М. Розин. Семиотический анализ знаковых средств математики. Там же.
7. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. второе, т. 3.
8. Г. П. Щедровицкий. Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий. Сб. Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
9. В. А. Лефевр. О самоорганизующихся и саморефлективных системах и их исследовании. Сб. Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции. М., 1965.
10. В. А. Лефевр. Конфликтующие структуры. М., 1967.
11. Г. П. Щедровицкий. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964; а также «General Systems», vol. XI, 1966.
12. Г. П. Щедровицкий. Заметки о мышлении по схемам двойного знания. Сб. Материалы к симпозиуму по логике науки, Киев, 1966.
13. Г. П. Щедровицкий. Исследование мышления детей на материале решений арифметических задач. Сб. Развитие познавательных и волевых процессов у дошкольников. М., 1965.

14. Г. П. Щедровицкий, В. М. Розин. Концепция лингвистической относительности Б. Л. Уорфа и проблемы исследования «языкового мышления». Сб. Семиотика и восточные языки. М., 1967.

15. А. А. Зиновьев. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). Автореф. канд. дисс. М., 1954.

16. A. [Z i n o v e v, K problému abstraktního a konkrétního poznatku.— „Filosofický Časopis“, 1958, № 2.

17. Г. П. Щедровицкий. О строении атрибутивных знаний. Сообщения I—VI. «Доклады АПН РСФСР», 1958, №№ 1, 4; 1959, №№ 1, 2, 4; 1960, № 6.

18. Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования. М., 1961.

19. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933.